

ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ставится проблема влияния административной политики центральных и местных государственных органов власти на этнические и конфессиональные процессы в тюркоязычной среде аборигенного населения Томской губернии к началу XX в. Делается вывод о разнонаправленности этнических процессов, приведших как к формированию современных тюркоязычных этносов, так и к вхождению тюркского компонента в состав русского старожильческого населения Сибири.

Ключевые слова: тюркоязычные общности; Томская губерния; православие; ислам.

На рубеже XIX–XX вв. в Томской губернии сохранялся полиэтничный состав аборигенного населения, представленный различными тюркскими и угро-самодийскими общностями. Согласно подсчетам Н.М. Ядринцева, тюркоязычное население в процентном отношении к концу XIX в. существенно уступало здесь русским: в Барнаульском округе оно составляло 0,56%, в Бийском – 12,89%, в Каинском – 1,83%, в Мариинском – 2,42%, в Кузнецком – 16,48% [1. С. 20]. Существенным фактором, влиявшим на воспроизводство этнокультурных традиций различными этническими общностями, истоками своими уходящими в дорусский период, была специфика их административного устройства. Несмотря на административные реформы XVIII и XIX вв., в начале XX в. аборигены были сосредоточены в особых административно-фискальных образованиях – инородных управах, возникших вследствие реформ М.М. Сперанского (1822–1823 гг.) на базе ясачных «землиц» и волостей XVII–XVIII вв. Юг Томской губернии населяли различные тюркоязычные общности, контактировавшие на южной кромке тайги с «остяцким» (хантыйским и селькупским) населением. Контактная зона была достаточно подвижной и существенно изменилась с XVII в. – прежде всего вследствие продолжавшихся уже в русский период процессов тюркизации угро-самодийского населения.

Собственно тюркоязычные аборигены обитали в Бийском, Барнаульском, Каинском, Кузнецком, Мариинском и Томском уездах Томской губернии и образовывали 83 инородные управы, делившиеся на оседлые и кочевые. В основу такого деления М.М. Сперанским была положена степень близости аборигенного образа жизни к русскому, крестьянскому. Те этнические общности, которые в период проведения реформ оказались уже достаточно русифицированы, либо те, которые изначально жили в постоянных поселениях и не кочевали, составили категорию «оседлых инородных управ». Так, в Бийском уезде оседлыми были пять инородных управ из 21: Быстрянская, Кокшинская, Мыотинская, Сарасинская, а также Уймонская, население которой имело сложный этнический состав, хотя и считалось русским. В Каинском уезде все семь управ – Барабинская, Каргалинская, Любейская, Теренинская, Тунужская, Туражская и Чойская – числились оседлыми. Единственной в Барнаульском уезде инородная управа – Кумышская на р. Бурле – была оседлой. В Кузнецком уезде к оседлым было отнесено 10 из 33 инородных управ: Камларская, Шуйская, Ячинская, Кумышская, Тогульская 1-й половины, Боянская 1-й и

2-й половины, Ашкиштымская 1-й половины, а также три Телеутские. В Мариинском уезде из шести инородных управ две были отнесены к оседлым: Корчуковская и Корюковская. Среди 15 инородных тюркоязычных управ Томского уезда 10 считалось оседлыми: Томско-Казанская (городская), Томско-Бухарская (городская), Чатская, Эуштинская, Телеутская, Мало-Корюковская (на р. Оби), Мало-Шегарская, Темерчинская, Кумышская и Ячинская [2. С. 293–295].

Согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822 г.), все аборигенное население Сибири было отнесено к особому сословию «инородцев», приравненному к крестьянскому, заняв устойчивое место в социальной структуре Российского государства. Инородцы «владели землями, ими обитаемыми», и обладали свободой вероисповедания. Выделение инородных управ сопровождалось созданием особых органов управления для аборигенного населения, которые формировались аналогично волостным правлениям крестьян, т.е. выборным путем, и утверждались губернатором. Все текущие дела решались на сходах, где проводился расклад повинностей в виде подушных сборов – «душевого ясака» и губернских земских сборов, выплачивавшихся деньгами. К началу XX в. почти во всех инородных управах денежные выплаты заменили собой натуральный пушной ясак либо были приравнены к нему.

Спорные вопросы между членами инородных управ решались на основе обычного права. Однако тяжбы между крестьянами и аборигенами, как и уголовные дела, попадали под общероссийскую юрисдикцию. Достаточно распространено было совместное проживание в одной деревне аборигенов и русских крестьян, при том что каждая из названных категорий населения, соседствуя территориально, в административном и фискальном отношениях подчинялась исключительно собственным органам управления сообразно их сословной принадлежности (крестьянин, сибирский инородец). Таким образом, в начале XX в. тюркоязычное население Томской губернии имело свои органы самоуправления, свои земли, сохраняло в своей среде обычное право и традиционные религиозные представления. За его благополучие лично перед Министерством внутренних дел отвечал губернатор. Сами аборигены были убеждены, что их принадлежность к инородческому сословию подчеркивала их более высокий статус по сравнению с крестьянским.

Следовательно, в начале XX в. ни сословная принадлежность к инородцам, ни само слово «инородец» не обладали негативным оценочным смыслом. Показа-

телем того, что слово «инородец» не воспринималось отрицательно, а отражало прежде всего сословную принадлежность его носителя, является тот факт, что потомки русских беглецов, поселившихся во второй половине XVIII в. на р. Бухтарме, вплоть до 1876 г. образовывали Бухтарминскую *инородную* управу. Устойчивое бытование слова «инородец» в сибирской среде на уровне органов власти, в общественно-политической лексике, а также среди всех слоев населения свидетельствовало как о сохранении традиции восприятия аборигенов в качестве неременного компонента сибирского социума и отсутствии пренебрежительного отношения к ним, так и о размытости этнического сознания большинства этносов Сибири, в том числе и русского.

Размышляя об этногенезе русского народа в середине XIX в., А.П. Щапов писал: «Русское народонаселение еще переживает непосредственно-натуральный процесс национального образования, зарождения, нарастания в нацию или народ... Еще не сложился и не определился во всей ценности и определенности его национально-физиологический тип. Еще слишком явно и грубо проступают в этнографическом составе русского народа разнообразные разноплеменные контингенты, не организовано в одно целое тело... Как нет в русском народе единства физиологического типа, так еще не развилось в нем сознание своего национального единства и достоинства» [3. С. 402].

Начавшееся в конце XVI в. движение русских в Сибирь сопровождалось не только расширением их этнической территории, но и постоянной ассимиляцией иноэтнических общностей. В результате этногенез русского этноса продолжался и в Сибири. В XVII и первой половине XVIII в. он имел «очаговый» характер, охватывая русские города и остроги, а также прилегающие к ним земли, между которыми сохранялись аборигенные территории. Со второй половины XVIII в. начинается процесс «стягивания» первоначальных очагов русско-сибирского этногенеза как в результате «сползания» русской крестьянской колонизации из таежной в лесостепную и степную зоны, так и вследствие образования достаточно многочисленных русско-аборигенных общностей. Увеличение численности русских в Сибири несколько ослабило ассимиляционные процессы, но усилило аккультурацию.

Отражением аморфности этнического сознания русских накануне их проникновения в Сибирь было совмещение их этнической и конфессиональной принадлежности, сохранявшееся и впоследствии: «русский» оставался синонимом «православного». За счет православия шла унификация культурных различий внутри русского этноса и вырабатывался общий и достаточно однородный русско-православный этнокультурный комплекс. Следствием нечеткости русского этнического самосознания было отсутствие противопоставления русского этноса другим народам государства, а значит, нейтральность в оценке иных культурных и бытовых проявлений, что предполагало интенсивный культурный обмен.

Эта особенность этнического самосознания русских проявилась и в формировании социальной структуры государства. Так, аборигенное население выделялось

не на основе его культурной, этнической или расовой принадлежности, а вследствие включения его в особое сословие – «ясачных», критерием определения которого был особый вид повинности в виде натурального (пушного) тягла. И хотя в этом случае сословная принадлежность часто совпадала с этнической, определяющим фактором положения того или иного человека было именно его сословие. Сословный принцип устройства социума позволял людям, не меняя этнической принадлежности, которой не придавалось значения ни со стороны общества, ни со стороны государства, выбирать вид тягла, а значит, и свою сословную принадлежность. Так, в первой половине XVII в., хотя большая часть сибирских аборигенов являлась ясачными, в сибирских городах и острогах до четверти служилых людей и казаков происходили из местного населения.

Не случайно именно в XVIII–XIX вв. в зоне тесных русско-аборигенных контактов усиливается влияние конфессионального фактора. Каинские татары в 1740–1750-е гг., как замечает Н.М. Ядринцев, «отказались от язычества и сделали мусульманами» [4. С. 53]. Во время путешествия И. Фалька в 1770-е гг. только часть чатов характеризовалась им как «добрые мусульмане», телеуты и эуштинцы сохраняли язычество [4. С. 545–546]. Но уже в начале XIX в. все томские татары были либо мусульманами, либо православными: среди эуштинцев – 109 мусульман, 50 православных; среди телеутов – 267 мусульман, 152 православных; среди чатов – 663 мусульманина и 43 христианина [5. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 41].

Тесные русско-аборигенные контакты, сопровождавшиеся ассимиляцией и аккультурацией части тюркоязычного населения, активизировали значимость конфессионального фактора. Те этнические общности, которые оказались в русском окружении, объективно либо попали в ситуацию полного культурного поглощения, либо, чтобы сохранить уже начавшую деградировать культурную специфику, вынуждены были отмежеваться от русско-православного влияния, приняв ислам. Таким образом, последний выступил как мощный фактор, сдерживающий аккультурационные процессы (т.е. русификацию) и позволивший тюркам-мусульманам не только удержать культурное своеобразие, но и нивелировать культурные различия, существовавшие внутри их этнических групп: у каинских (барабинцы, теренинцы, туражцы и др.) и томских (эуштинцы, телеуты, чаты) татар. К тому же в результате исламизации у разных этнотерриториальных групп сибирских тюрков шло накопление одинаковых культурных элементов мусульманско-татарского культурного пласта.

В результате взаимодействия аморфного этнического сознания, преобладавшего у большинства аборигенов степной и лесостепной полосы, и укреплявшегося ислама, происходило совмещение этнической и конфессиональной принадлежности. Показательно, что уже в начале XX в. слово «татарин» становится синонимом слова «мусульманин», в первую очередь в среде своего бытования [2. С. 268]. Не случайно в результате национального строительства уже советского периода те тюркоязычные общности, которые привычно имено-

вались татарами, но не приняли ислам, вынуждены были получать новые этнонимы: «кузнецкие татары» – «шорцы», «черневые татары» – «тубалары», «абаканские татары» – «хакасы». Но у части тюркоязычного населения Томской губернии – томских и барабинских татар – ислам выполнил этноформирующую функцию, препятствуя их полной русификации.

Не менее действенно сказалось на аборигенах и влияние христианства. Однако следствием христианизации другой части сибирских тюрков стала полная потеря ими культурной специфики, что интенсифицировало процесс этногенеза русских сибиряков и увеличило их численность. В 1880 г. Н.М. Ядринцев писал о том, что при исследовании инородцев на Алтае «...в некоторых местах... невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими» [7. С. 22]. Целые инородные управы – Быстрянская, Сарасинская, Уймонская, Тогульская Бийского округа, Кумышская Барнаульского округа, Кумышская, Камларская, Шуйская, Боянская, Тагабская, Тогульская Кузнецкого округа, Кумышская, Шегарская, Шуйская, Темерчинская Томского округа – к концу XIX в. почти полностью русифицировались. Их население говорило только по-русски, придерживалось русского крестьянского уклада, исповедовало православие и ничего не помнило о своих этнокультурных истоках, называя себя «старожилами», «ясашными», «инородцами».

В условиях интенсивных разнонаправленных этнокультурных процессов совпадение сословной принад-

лежности с этнической, а также функционирование «Устава» и базировавшегося на нем административного устройства все же немало способствовали сохранению этнической специфики большинством тюркоязычных общностей. Даже достаточно русифицированные инородные управы, тем не менее, удерживали свои этнонимические названия, зафиксированные еще в первой половине XVII в.

Однако изменения в аборигенной политике, унификация сословной принадлежности сибирских аборигенов и крестьян, а также пересмотр их административного устройства в начале XX в. существенно повлияли на этническую ситуацию в аборигенной среде. Упразднение «неприкосновенности» инородческого сословия и ликвидация инородных управ в ходе Столыпинской реформы (1906–1911 гг.) четко определили результативность этнических процессов: русифицированная часть аборигенного населения безболезненно перетекла в состав русских сибиряков; сохранившие этническую специфику общности, по преимуществу образовывавшие в прошлом кочевые инородные управы, стали основой современных тюркоязычных этносов Южной Сибири; принявшие ислам слились с частью татарско-мусульманского мира Евразии. Однако вследствие аграрно-административной реформы начала XX в. с этнографической карты Сибири вместе с этнонимическими названиями инородных управ исчезли и многочисленные этнонимы, связанные с ее древней и средневековой историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня в 1880 г. // Записки ЗСИРГО. Омск, 1882. Кн. IV.
2. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
3. Шапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Сочинения. СПб. Т. 2.
4. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
5. Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по Сибири. СПб., 1824.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО).
7. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 декабря 2012 г.